

ЛИТЕРАТУРА СОВРЕМЕННОГО ВОСТОКА

DOI: 10.31857/S086919080006934-4

СОСТОЯНИЕ ДУШИ СОВРЕМЕННОГО ТУРКА
В РОМАНЕ ЗЮЛЬФЮ ЛИВАНЕЛИ «ТРЕВОЖНОСТЬ»

© 2019

М. М. РЕПЕНКОВА ^a

^a – Институт стран Азии и Африки МГУ, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-7551-3869;
Researcher ID: E-5559-2012
E-mail: mmrepenkova@rambler.ru

Резюме: В статье анализируется проблематика и композиционная структура романа современного турецкого беллетриста Зюльфы Ливанели «Тревожность» (2017). Доказывается, что архитектура произведения строится по принципу «романа нравственного расследования», который в 1970-е гг. открыл для турецкой литературы Огуз Атай и который Зюльфу Ливанели развивает в собственном направлении. Оценивается необычная повествовательная техника в форме журналистского репортажа, используемая автором для решения аксиологических проблем. Главный герой, журналист из Стамбула, не просто собирает сведения о погибшем друге, а систематизирует, оценивает и преподносит читателю в ракурсе проблемы национальной самоидентификации – кто он сам и остальные турки: люди Востока или Запада. Саморефлексия героя проявляется в его вопросах к собеседникам (интервью) и к самому себе (внутренние монологи). В статье особо подчеркивается, что форма повествования, определяющая стилистику романа, близка к газетно-публицистическому стилю, о чем свидетельствует обилие документальных вставок. Доказывается, что документы расширяют ракурс рассматриваемых в романе проблем, углубляют их актуальность и остроту.

Анализ художественных особенностей романа показывает, что за актуальной социально-политической проблематикой стоят глубинные аксиологические вопросы, определяющие содержание произведения. Аксиология книги реализуется в фигуре главного героя – стамбульского журналиста Ибрагима, экстраполирующего происшедшее с другом его детства Хюсейном на себя и пытающегося разобраться в тревоге, терзающей его собственную душу. По мере расследования убийства Хюсейна тревога, смятение и душевная пустота в Ибрагиме нарастают. Попытка понять поступки Хюсейна приводит Ибрагима к осознанию того, что Хюсейн до конца дней оставался порядочным человеком, помогавшим всем, нуждавшимся в помощи, не потерявшим внутренний стержень даже под угрозой смерти, поэтому Ибрагим стремится подражать Хюсейну, стремится превратиться в него.

Ключевые слова: Зюльфу Ливанели, роман «Тревожность», аксиология современного турка, езиды, аксиологическая проблематика.

Для цитирования: Репенкова М. М. Состояние души современного турка в романе Зюльфы Ливанели «Тревожность». Восток (Orient). 2019. № 5. С. 174–182. DOI: 10.31857/S086919080006934-4

THE STATE OF MIND OF MODERN TURKS IN ZÜLFÜ LİVANELİ'S ANXIETY

© 2019

Maria M. REPENKOVA ^a

^a – Institute of Asian and African Studies of Moscow State University,
Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-7551-3869;
Researcher ID: E-5559-2012
E-mail: mmrepenkova@rambler.ru

Abstract: *The article analyses the problems and compositional structure of Anxiety by contemporary Turkish fiction writer Zülfü Livaneli (2017). It determines the work is structured as a moral investigation novel, which was first introduced in Turkish literature by Oğuz Atay in the 1970s and further developed by Livaneli in his own way. The special form of narration as a journalist's report to consider axiological issues is evaluated. The principal character is a journalist from Istanbul who is collecting information on his deceased friend. He organizes, assesses it and presents to the readers through the lens of national identity, i.e. where he and other Turks belong – in the East or the West. His self-reflection manifests through both the questions addressed to his interlocutors (during interviews) and to himself (in his inner monologues). The article accentuates the narrative form of the novel, defining its stylistics as rather close to the publicist style. This is supported by numerous documentary digressions from the journalist's narration and first-hand accounts. It is argued that the documents expand the scope of the problems covered by the novel, contribute to their urgency and dramatic effect.*

The analysis of the novel's artistic features shows that current socio-political issues are underpinned by deep axiological themes that define the content of the book. The axiology of the book is realized through the main character, Istanbul journalist Ibrahim, who extrapolates the events that happened to Hussein, his childhood friend, to his own life and tries to comprehend the anxiety tormenting his own soul. As Hussein's murder is investigated, Ibrahim experiences growing anxiety, confusion, and frustration. The journalist compares himself to Hussein, who was calm and steady person with an unwavering faith in justice. Ibrahim's attempt to understand Hussein's actions brings a realization that his friend remained honourable and honest till the end of his life. He was kind and helped everyone in need. He did not give up on his love, did not bend his convictions even under the threat of death. Hussein's last words are symptomatic in this regard: "I was a human being." And this is why Ibrahim tries to behave like Hussein, to transform into Hussein, to become the same kind of person Hussein was.

Keywords: Zülfü Livaneli, Anxiety novel, axiology of modern Turks, Yazidi, axiological issues.

For citation: Repenkova M. M. The State of Mind of Modern Turks in Zülfü Livaneli's *Anxiety*. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 5. Pp. 174–182. DOI: 10.31857/S086919080006934-4

Омер Зюльфю Ливанели (род. 1946) выделяется среди ведущих представителей турецкой творческой интеллигенции широтой своего дарования. Композитор, писатель, кинорежиссер, он был удостоен более тридцати престижных национальных и международных наград во всех тех областях, куда направлялась его кипучая творческая энергия. Так, в 1999 г. в итальянском городе Сан-Ремо Ливанели получил высшую награду в области популярных современных песен «Лучший композитор года». Его музыкальные композиции исполнялись симфоническими оркестрами Лондона, Берлина, Москвы, Афин и Измира под управлением таких известных дирижеров, как Семен Коган и Зудин Мета. Романы Ливанели, переведенные на сорок языков мира, не раз входили в списки бестселлеров в Испании, Китае, Южной Корее, Германии. В Турции произведения писателя неоднократно получали литературные премии имени Юнуса Нади и Орхана Кемалю, что демонстрирует высокую оценку его творчества литературными критиками и читателями.

Но деятельность Ливанели не ограничивается только искусством. Являясь приверженцем высоких гуманистических идеалов, болея душой за свою страну и все челове-

ство, он активно интересуется политикой. В 1996–2016 гг. Ливанели был послом ЮНЕСКО, в 2002–2006 гг. избирался депутатом в Европарламент и Великое Национальное Собрание Турции. За свои леволиберальные взгляды и верность демократическим принципам в 1970-е гг. сидел у себя на родине в тюрьме, после чего одиннадцать лет жил в изгнании как политический ссыльный. Но непоколебимая вера этого человека в справедливость и правду позволила ему выдержать все испытания.

Свой взгляд на мир Ливанели выражает в произведениях, наиболее известными из которых являются сборник рассказов «Ребенок на горе Арафат» (Arafat'ta Bir Çocuk, 1978) и романы «Счастье» (Mutluluk, 2002), «Дом Лейлы» (Leyla'nın Evi, 2006), «Последний остров» (Son Ada, 2009), «Серенада» (Serenad, 2011), «История моего брата» (Kardeşimin Hikâyesi, 2013), «Отель "Константинополь"» (Konstantiniyye Otel, 2015), «Тревожность» (Huzursuzluk, 2017). Для романного творчества писателя характерны «увлекательность сюжетов», «актуальность и разнообразие проблематики (широкий спектр политических и личностных проблем)», «необыкновенная открытость и открытость в изложении своей позиции в сложных перипетиях нашего времени» и, наконец, «использование необычных для турецкой литературы повествовательных романских техник» [Subaşı, 2017, p. 2–3].

Сам Ливанели и турецкие исследователи отмечают необычную повествовательную манеру в одном из последних романов писателя – «Тревожность». В интервью литературным критикам Н. Динчтюрк и А. М. Озсоем Ливанели признается: «В этой книге я использовал интересную технику повествования. События в романе раскрываются с точки зрения разных людей, каждый из которых говорит в своей манере, своим языком (журналист Ибрагим, сирийский монах, езиды, сестра погибшего Хюсейна и т.п.). А вот всеведущий автор-повествователь отсутствует. Цепочка событий восстанавливается из рассказов свидетелей происшедшего. Сначала это нечто разорванное, несвязное, но постепенно событийный ряд обретает целостность и законченность, позволяя читателю представить всю картину. Такому повествованию присущи нарушение хронологии, сдвиги временных пластов» [Dinçtürk, Özso, 2017, p. 2]. Критик Ч. Алдатмаз развивает тему: «З. Ливанели в новом романе экспериментирует с формой. Место Бога-Всеведущего автора, который повествует читателю о происходящем, занимают рассказчики, являвшиеся свидетелями происшедшего. С их слов мы узнаем о деталях кровавого преступления, мы им безоговорочно верим, поскольку они видели все собственными глазами. В этом и заключается «фишка» романа, это усиливает ощущение реальности происшедшего, а следовательно, реализм и психологизм образов» [Aldatmaz, 2017, p. 2].

Отметим, что рассказ о происшедшем несколькими свидетелями не нов для турецкой литературы. Этим приемом пользовались национальные писатели и до Ливанели (Огуз Атай, Азиз Несин, Кемаль Бильбашар, Мехмед Эроглу и др.). Важно другое. Повествование организует фигура главного героя – журналиста из Стамбула Ибрагима, который пишет роман о том, как он приезжает по заданию газеты в свой родной город Мардин, находящийся на юго-востоке страны, и расследует смерть друга детства Хюсейна Йылмаза, убитого в США ксенофобами-расистами и похороненного на мардинском кладбище. В большинстве глав повествование ведется от первого лица, т.е. рассказывает автор романа Ибрагим. Его повествование чаще всего выстроено в форме интервью, т.е. в виде вопросов, которые он задает людям, имевшим отношение к убитому (его родственникам, знакомым), и ответов этих людей на его вопросы. Встречаются и главы, в которых журналист / писатель открыто не присутствует в тексте и прямо вопросов не задает. Но из рассказов свидетелей можно предположить, что он находится где-то рядом, поскольку и здесь его вопросы негласно организуют повествование рассказчика. Турецкий критик Х. Топчуоглу сравнивает подобную повествовательную манеру с телефонным разговором: «Как будто кто-то разговаривает по телефону. А мы стоим рядом и слушаем разго-

вор. При этом собеседника по ту сторону трубки мы не слышим, но о его репликах и вопросах мы догадываемся по ответам говорящего» [Torşuoğlu, 2017, p. 1]. Так, школьный друг Ибрагима и Хюсейна Мехмет говорит: «Как, ты не слышал, что Хюсейн был помолвлен? Да нет же, не с той чертовой девицей, а с местной девушкой из богатой семьи, с Сафийе. А та, о которой ты говоришь, это должно быть совсем другая девица, которую он увидел в лагере беженцев» [Livaneli, 2017, p. 35]. Он же продолжает: «Да, ты прав, большинство из них бежало от ИГИЛ, но были и такие, кто спасался от правительственных сил и от ан-Нусры» [Livaneli, 2017, p. 35]. Мехмет часто переспрашивает журналиста, повторяя вопросы последнего. Например, когда журналист хочет встретиться с отцом Мехмеда и поговорить об езидах и Хюсейне, Мехмет отвечает: «Поговорить с моим отцом? Конечно, ты можешь поговорить, ты же знаешь, что он тебя очень любит» [Livaneli, 2017, p. 41]. Или повторяет в качестве подтверждения его слова: «Да, да, конечно же я видел Хюсейна. Я с ним разговаривал, старался его переубедить» [Livaneli, 2017, p. 38]. В той же манере ведет рассказ и сирийский монах Габриель, в монастырь к которому приехал Ибрагим, чтобы навести справки о девушке-езидке, в которую был влюблен Хюсейн и которую на какое-то время приютили у себя монахи: «Да, все, что вы говорите, правильно. Когда этот монастырь строился, в цемент добавляли шафран, растущий в изобилии в этом районе. Поэтому цвет монастырских стен и получился таким желтоватым» [Livaneli, 2017, p. 56].

Интересно в этом плане повествование отца Мехмеда. Старый человек рассказывает журналисту о сути езидизма, о необходимости отойти от стереотипного восприятия езидов как поклонников дьявола: «Что ты говоришь? Мои уши уже не слышат, как прежде. Говори громче <...> Да, сынок, я знаю, что тебя интересует. Ты хочешь побольше узнать о девушке, которая стала причиной бед, свалившихся на Хюсейна. То есть о езидах, дьяволопоклонниках. Слушай, сынок. Их религии шесть тысяч лет. Она возникла раньше, чем иудаизм, христианство и ислам. У меня по этому вопросу есть очень серьезные книги, ты по-арабски можешь читать? Я так и думал, вот и Мехмет такой же. Ваше поколение только разговаривает по-арабски, а пишет и читает по-турецки. Ну да ладно, продолжу. Езиды три раза в день поворачиваются к солнцу и молятся. Некоторые полагают, что истоки их религии уходят в древнее солнцепоклонство. У езидов такая древняя религия, что все уже и забыли, откуда она пошла. Здесь у нас есть один сирийский монастырь, а под ним Храм Солнца, говорят, что его построили четыре тысячи лет назад, туда езиды и ходят молиться. Согласно их вере, существует Бог и семь ангелов. Главный ангел – Мелек Тавус (Ангел Павлин. – *М. Р.*), на их языке *Tavusê Melek*. Да, ангел в образе павлина. Якобы, когда Бог создал человека и потребовал от этого ангела, чтобы тот поклонился человеку, Мелек Тавус отказался это сделать. Якобы он сказал, что я создан из огня, а человек – из земли, пусть он мне и поклоняется. Поскольку он так сказал, то был изгнан из рая. Вот отсюда и пошла молва о дьяволе. Так как в более поздних религиях дьявол тоже был изгнан из рая, посчитали, что Мелек Тавус и есть дьявол. Самих же езидов объявили дьяволопоклонниками. А между тем, Мелек Тавус после изгнания из рая раскаялся, семь тысяч лет лил слезы, погасил все пожары на земле, наполнил все моря. Тогда-то Бог, то есть Езд и простил его, снова взял к себе, сделал, говорят, главным ангелом. Вот такая вера у езидов, сынок. Они считают святым Мелека Тавуса, слово “дьявол” даже не произносят» [Livaneli, 2017, p. 47–48].

Ибрагим не просто собирает сведения о погибшем друге. Он выстраивает их в хронологическую цепочку, комментирует и оценивает, иными словами, преподносит события в романе под своим, авторским углом зрения. В его интерпретации с Хюсейном произошло следующее. Хюсейн работал врачом в Мардине. Сотрудничая с международной организацией «Врачи без границ», он часто посещал лагерь сирийских беженцев, расположенный в окрестностях города. В лагере он познакомился с молодой женщиной Ме-

лекназ, у которой был слепой новорожденный ребенок. Хюсейн влюбился в Мелекназ и решил на ней жениться, несмотря на то что она была езидкой, а по законам езидов, да и по мусульманским законам подобные браки считаются большим грехом. Мелекназ родилась и выросла в Иракском Курдистане, в одной из горных деревень в окрестностях Синджара (Шенгала). Этот район, расположенный на севере Ирака и традиционно населенный курдами-езидами, в 2014 г. был захвачен боевиками ИГИЛ, осуществлявшими варварские массовые убийства езидов. Боевики убивали в основном мужчин, женщин же и детей забирали в рабство, увозили и продавали на невольничьих рынках Мосула. Мелекназ вместе с двумя другими женщинами из ее деревни (Зилан и Нергис) также была продана в рабство, но через несколько лет сумела бежать от насильников в горы Синджара. После чего она попала в Сирию, а затем в лагерь беженцев в Турции.

Хюсейн забрал Мелекназ с ребенком из лагеря беженцев, привел в отчий дом, разорвал все отношения с бывшей невестой Сафийе. Но в городе узнали, что Мелекназ – езидка, «дьяволопоклонница». Однажды вечером на одной из улиц Мардина на Хюсейна напали местные сторонники ИГИЛ. В него стреляли и тяжело ранили в руку и плечо. Хюсейн попал в больницу, был прооперирован и сумел выжить. Старшие братья Хюсейна, давно живущие в США, уговорили его приехать к ним и, таким образом, спастись от ИГИЛ. Хюсейн согласился, но с условием, что позже к нему приедет Мелекназ с ребенком. Он отправил Мелекназ в Стамбул к армейскому другу, а сам улетел США. В городе Джексонвилле он начал работать в пиццерии своих братьев. Однако в один из дней в пиццерии на него снова совершили нападение. На этот раз это уже были американские расисты-ксенофобы, ненавидящие мусульман. Его смертельно ранили ножом, предварительно вымазанным кровью свиньи. Хюсейн умер в американском госпитале, произнеся перед смертью единственную фразу: «Я был человеком». Эту же фразу неоднократно повторяли и езидские женщины – девочка-односельчанка Мелекназ Нергис, которая погибла в горах Синджара, спасаясь от боевиков ИГИЛ, сама Мелекназ, работавшая после Мардина в Стамбуле прислужкой-уборщицей. Тело Хюсейна братья привезли на родину и похоронили в Мардине.

В одном из интервью З. Ливанели подчеркивает горький иронический подтекст, звучащий в истории Хюсейна: «Этот человек, в котором сторонники ИГИЛ видели гяура, врага Аллаха и ислама, и которого они старались убить, поскольку он собирался жениться на езидке, в Америке погиб от рук ксенофобов, обвинивших его в обратном, в том, что он – мусульманин. В этом весь парадокс. А почему так произошло? Да потому, что мы живем в век, когда человеческая личность ничего не значит. Потому что мы все, сами того не ведая, лишены индивидуальности, в нас отсутствуют мысли и чувства» [Dinçtürk, Özsoy, 2017, p. 3].

Однако не все турецкие читатели сумели рассмотреть в романе горькую иронию автора. Многие критиковали З. Ливанели за искажение реальных фактов и даже за предательство национальных интересов [Aktay, 2018, p. 1–2; Miroğlu, 2017, p. 1]. Например, депутат из Мардина от Партии Справедливости и Развития Орхан Мироглу утверждал: «Роман З. Ливанели – это идеологический текст, отрывающий читателя от реальности. У описанного в романе города Мардина нет ничего общего с реальным Мардином. Я понимаю, что любое произведение построено на художественном вымысле. Но это же не значит, что Мардин – рай для боевиков ИГИЛ. Согласно роману, группы боевиков ИГИЛ разгуливают по городу и убивают неугодных им людей. Это якобы и произошло с героем, решившим жениться на езидке <...> Но если господин Ливанели, писатель с мировым именем, посол ЮНЕСКО, так описывает Мардин, то как нам бороться за то, чтобы наш город включили в список мирового наследия ЮНЕСКО? Хорошо, что этот роман не переводится на другие языки и с ним знакомы только мы» [Miroğlu, 2017, p. 1].

Манера повествования, определяющая стилистику романа, близка к газетно-публицистическому стилю, что в целом естественно для автора-журналиста. Помимо многочисленных интервью журналиста Ибрагима, которые он берет у свидетелей происшедшего, в романе имеется много документальных вставок относительно ИГИЛ и его кровавой деятельности на территории Ирака и Сирии, относительно геноцида езидов-курдов, осуществляемого ишидовцами, относительно жизни Мардина и лагерей сирийских беженцев на юго-востоке Турции и т.п. Документальные свидетельства вкрапляются как в рассказы очевидцев, так и в рассказы самого журналиста, который признается, что приведенные сведения он берет из интернета, прессы, телевидения, книг. Документы расширяют ракурс рассматриваемых в романе проблем, углубляют их актуальность и остроту.

З. Ливанели, хорошо знакомый с газетно-публицистическим стилем, поскольку он более тридцати лет работал в области журналистики, в романе максимально использует свои журналистские навыки. Однако данная манера повествования вызвала неоднозначные отклики в среде национальных критиков. Например, Х. Топчуоглу отмечала, что «иногда в книге З. Ливанели повествование перестает быть романным и “скатывается” в сторону газетной статьи. Возникает естественный вопрос: рассказчик-журналист не может выработать собственную стилистическую манеру изложения и не знает, как писать роман? Или же писатель Зюльфию Ливанели не может отделить себя от рассказчика?» [Torşuoğlu, 2017, p. 2]. Другой критик, Б. Севен, считает, что «газетно-публицистический стиль уничтожает литературность и художественность романа», что «произведение З. Ливанели превращается чуть ли ни в новостной видеоряд (ИГИЛ, беженцы и т.д.), а герои – в ходячих персонажей, единственной функцией которых является критика отдельных явлений современной действительности» [Seven, 2017, p. 2]. Иными словами, по мнению Б. Севен, злободневность проблем, затрагиваемых Ливанели, затмевает эстетическую составляющую произведения, с чем категорически невозможно согласиться.

Особенностью романа Ливанели является то, что за актуальной социально-политической проблематикой стоят глубинные аксиологические вопросы, которые и определяют содержание произведения. Аксиология книги реализуется в фигуре главного героя стамбульского журналиста Ибрагима, который экстраполирует происшедшее с его другом детства Хюсейном на себя и пытается разобраться в тревоге, терзающей его собственную душу. По мере расследования убийства Хюсейна тревога, смятение и душевная пустота в Ибрагиме нарастают. Журналист сравнивает себя со спокойным и уравновешенным Хюсейном, чья вера в справедливость была непреклонна. Попытка понять поступки Хюсейна приводит Ибрагима к осознанию того, что Хюсейн до конца своих дней оставался честным и порядочным человеком, был добрым и помогал всем, кто нуждался в помощи. Он не отказался от своей любви, не потерял внутреннего стержня даже под угрозой смерти. Симптоматичны в этом плане предсмертные слова Хюсейна: «Я был человеком». Поэтому Ибрагим стремится подражать Хюсейну [Livaneli, 2017, p.1 51], стремится превратиться в Хюсейна [Livaneli, 2017, p. 132], стремится стать таким же, как Хюсейн [Livaneli, 2017, p. 148, 151].

А между тем различия между Ибрагимом и Хюсейном очень велики. Хюсейн погиб, но его человечность жива в сердцах людей, которые его помнят и любят. Ибрагим жив, но его жизнь равна смерти, он перестал быть человеком, потому что потерял собственную личность, индивидуальность и в этом сумасшедшем мире у него не осталось опоры. Показательна в этом плане обложка романа: человек идет по пустыне с лестницей в руке, но не знает, куда прислонить лестницу, где найти точку опоры. «Я был разрушен до основания! – повторял Ибрагим. – Я думал, что эти слова в полной мере отражали мое тогдашнее состояние. Разрушен вдребезги!» [Livaneli, 2017, p. 144].

По сути, читатель становится свидетелем того, как расследование преступления главным героем Ибрагимом превращается в процесс нравственного расследования, в попыт-

ку разобраться в себе самом, вновь обрести самого себя. Впервые к «роману нравственного расследования» в турецкой литературе обратился Огуз Атай в романе «Дисконтактные» (Tutunamayanlar, 1972). В нем исследователь, отождествляющий себя с исчезнувшим другом, в конце произведения также исчезает. У Ливанели подобного не происходит. Ибрагим остается в живых и продолжает дело погибшего друга: посвящает свою жизнь помощи тем, кто в ней нуждается.

Попав в Мардин, на самый восток страны, на земли древней Месопотамии, Ибрагим вдруг задумывается над тем, кто он есть на самом деле: западный или восточный человек: «Мы, образованные люди этой страны, были словно цирковые акробаты, падающие с трапеции в пустоту. Отстегнув свой крючок от перекладины Востока, мы не смогли поймать перекладину Запада и упали вниз» [Livaneli, 2017, p. 65]. Когда-то в юности он уехал из Мардина в Стамбул и получил там западное образование. Сейчас, живя в огромном мегаполисе среди высоченных небоскребов, деловых центров, подчиняясь бешеному ритму современного города, он работает, зарабатывает деньги и думает только о собственном благополучии. Он давно потерял свою личность, перестал быть человеком, надев на себя невидимую броню, защищающую его от искренних человеческих чувств. Он общается с эмансипированными женщинами, которых не любит, с коллегами, которых не уважает. Ибрагим размышляет: «Все мы привыкли жить в холодной и колючей атмосфере без любви. Мы уже давно узнали реальность, в которой деловые центры-плаза убивают человеческую душу и превращают всех в роботов. Если ты не наденешь на себя невидимую броню безразличия, словно латы средневековых рыцарей, ты никогда не сможешь здесь прижиться» [Livaneli, 2017, p. 144].

И вот по странному стечению обстоятельств он вдруг попадает в древнюю Месопотамию. Этот край пробуждает в нем чувства, тоску по утраченной человечности: «Мардин, в котором время течет вспять, умножил мою тоску» [Livaneli, 2017, p. 111]. «Я изменился, меня изменил Мардин. Узнав о страданиях людей, мне теперь претят разговоры о том, где в Стамбуле можно съесть лучшие суши <...> Побывав в Мардине, я начал лучше понимать Хюсейна, своего друга детства, поступкам которого я сначала удивлялся. Я даже медленно начал сам превращаться в Хюсейна. Словно именно Хюсейн указал мне на душевный кризис, на шизофрению раздвоенной жизни, когда умом ты постигаешь Запад, а сердцем Восток, на недостаток уверенности в себе, на беспокойство, которое ты стараешься прикрыть иностранными словами или иностранными товарами. Мои глаза словно открылись» [Livaneli, 2017, p. 134]. «Я думаю, что я – восточный человек. Отбрасывая в сторону, как дырявые носки, свое многолетнее западное образование, свои потуги обладать европейским или американским образом жизни, я повторяю целыми днями, что я – восточный человек, я испил восточной воды, я иду из мира сказок <...> Я сказал, ах, если бы отец не отправил меня тогда учиться в тот иностранный пансион в Стамбуле, если бы я не стал таким чужим, если бы я не потратил свои годы, ставя себя на место западного человека, если бы я, как Мехмет, прислонив спину к огромной чинаре, остался бы жить в Мардине, то у меня было бы больше уверенности в себе, я бы спасся от внутренней пустоты и отсутствия личности, которое обычно восточные люди замечают в западных, а западные – в отличающихся от себя восточных» [Livaneli, 2017, p. 135].

Продвигаясь по пути нравственного поиска, связанного с проблемами национальной саморефлексии и самоидентификации, Ибрагим все больше и больше изменяется, превращается в Хюсейна. Он влюбляется в Мелекназ, даже ни разу не увидев ее. Из Мардина он отправляется на поиски девушки в Стамбуле. Находит ее, признается в своей любви. Спешит помочь ей и ее ребенку. Но гордая Мелекназ не желает принимать его помощи, не хочет, чтобы ее жалели.

Превращение в другого сопровождается у Ибрагима нарастанием душевной тоски и тревоги – тревоги за собственную судьбу и судьбы других, незнакомых ему людей. По-

скольку теперь, превратившись в друга, он не может оставаться равнодушным к несправедливости. Роман заканчивается тем, что по заданию газеты Ибрагим приезжает в турецкий пограничный город Эдирне. Здесь на границе с Болгарией скопились сотни беженцев-езидов, приехавших из Мардина и Диярбакыра на автобусах, чтобы попасть в Европу. Но Европа не захотела их принимать, надавила на власти Турции, и беженцам даже не разрешили войти в город. Они сидели, лежали и стояли на обочинах шоссе на дороге, сопровождаемые жандармами. В их глазах были боль и тревога, которые Ибрагим воспринимал теперь как собственные. В каждом представителе этого народа, который сам себя называл «сломанной веткой человеческого дерева», Ибрагим видел Мелек-наз. Стремление помочь им пусть даже ценой собственной жизни теперь не покидало героя. Он, наконец, обрел собственную человечность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В романе Ливанели на первый план выдвигаются проблемы национальной самоидентификации и ценности человеческой личности, пребывающей в смятении и беспокойстве под грузом обрушившихся на нее обстоятельств современного мира. Сам писатель следующим образом объясняет свою позицию: «Выход из создавшегося положения я вижу в восстановлении справедливости. В современном мире, в котором реальность так искривлена, в котором люди живут в бесконечном обмане, в котором ложь стараются называть “пост-правдой”, спокойствия невозможно достичь! Потому что у капитализма есть только один бог: деньги! Деньги в период “пост-правды” стали нашим единственным божеством» [Arman, 2017, p. 4].

В романе «Тревожность» З. Ливанели выбирает в качестве художественной формы «роман нравственного расследования», известный в турецкой литературе еще с семидесятых годов прошлого века, и развивает его в собственном направлении. Если у прежних авторов герой, отождествляя себя с другим персонажем, проходил через нелегкие душевные испытания, «растворялся» в этом «другом» и исчезал с художественного горизонта, то у З. Ливанели главный герой, отождествляя себя со своим другом, начинает посредством «другого» ощущать свою причастность к целому народу – езидам, бедами которых он проникается и на службу которым он теперь ставит свою жизнь. Необычная художественная форма романа-репортажа придает повествованию особую политическую остроту, углубляет беллетристическую составляющую произведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Aktay Y. Livaneli'yle 'Huzursuzluk' üzerine. Актай Й. С Ливанели о его романе «Тревожность» 2018 [Aktay Y. With Livaneli on *Anxiety*. URL: <https://www.gazeteoku.com/yazar/yasin-aktay/230227/livaneliyle-huzursuzluk-uzerine> (In Turkish)] (accessed 29.12.2018).

Aldatmaz Ç. Eleştiri: Yanı Başımızdaki Dünya: Huzursuzluk 18.10.2017. Алдатмаз Ч. Критика: Мир, находящийся рядом с нами: Тревожность [Aldatmaz Ç. Critics: the world next to us: *Anxiety*. URL: <http://kitapdergisi.com/elestiri-yani-basimizdaki-dunya-huzursuzluk/> (In Turkish)] (accessed 29.12.2018).

Arman A. Zülfü Livaneli'nin 'Huzursuzluk' romanını afişlerine 'OHAL' kısıtlaması! Zülfü Livaneli'nin Hürriyet'ten Ayşe Arman'a verdiği söyleşi 21.01.2017. Арман А. Ограничение рекламы романа Зюльфу Ливанели «Тревожность» из-за чрезвычайного положения. Интервью Зюльфу Ливанели корреспондентке газеты «Хюрриет» [Arman A. Restrictions on Zülfü Livaneli's *Anxiety* advertising due to the country's state of emergency. Zülfü Livaneli's interview with the Hurriyet newspaper. URL: <https://www.medyakadar.com/zulfu-livanelinin-huzursuzluk-romaninin-ohal-kisitlamasi-haberi-585690> (In Turkish)] (accessed 29.12.2018).

Dinçtürk N., Özsoy A. M. Zülfü Livaneli: Yazarken canım çok yandı...2017. Динчтюрк Н., Озсой А. М. Зюльфю Ливанели: Когда я писал, мне было очень больно [Dinçtürk N., Özsoy A. M. Zülfü Livaneli: When I was writing, I had lots of pain URL: <https://www.gazeteduvar.com.tr/kitap/2017/01/31/zulfu-livaneli-yazarken-canim-cok-yandi/> (In Turkish)] (accessed 29.12.2018).

Livaneli Ö. Z. Huzursuzluk. İstanbul: Doğan Kitap, 2017. Ливанели О.З. Тревожность. Стамбул: Издательство Доган Китап, 2017 [Livaneli O. Z. *Anxiety*. İstanbul: Doğan Kitap publishing house, 2017 (In Turkish)].

Miroğlu'ndan Livaneli'ye sert eleştiri 05.11.2017. Резкая критика Ливанели со стороны Мироглу [Sharp criticism of Livaneli by Miroğlu. URL: <https://m.istiklal.com.tr/amp/miroglundan-livaneliye-sert-elestiri/342579> (In Turkish)] (accessed 29.12.2018).

Seven B. Livaneli'nin Huzursuzluk'u: Roman kurgusunda gündem yazarlığı 20.05.2017. Севен Б. Роман Ливанели «Тревожность»: Актуальная романистика [Seven B. Livaneli's *Anxiety*: contemporary novelism. URL: <https://journo.com.tr/livaneli-huzursuzluk-gundem-yazarligi> (In Turkish)] (accessed 29.12.2018).

Subaşı E. İnsanlıktan Utanmak – Zülfü Livaneli – Huzursuzluk (Kitap İnceleme, htdeğerlendirme, eleştiri) 03.2017. Субаши Э. Стыдиться быть человеком – Зюльфю Ливанели – Тревожность [Subaşı E. Shame to be human–Zülfü Livaneli–*Anxiety*. URL: <http://emrahsubasi.tumblr.com/post/164206931944/insanl%C4%B1ktan-utanmak-z%C3%BCl%C3%BClivaneli-huzursuzluk> (In Turkish)] (accessed 29.12.2018).

Topçuoğlu H. Huzursuzluk (Zülfü Livaneli)... “Ben bir insandım!” 25.01.2017. Топчуоглу Х. Тревожность (Зюльфю Ливанели)... «Я был человеком!» [Topçuoğlu H. *Anxiety* (Zülfü Livaneli)... “I was a human!” URL: <https://okumagunlugu.com/huzursuzluk-zulfu-livaneli/> (In Turkish)] (accessed 29.12.2018).

Turgut S. Mesopotamya’da Kürt Uygarlık Tarihi. İstanbul: Belge Yayınları, 2015. Тургут С. История курдской культуры / цивилизации в Месопотамии. Стамбул: Издательство Бельге, 2015 [Turgut S. The History of Kurdish Culture / Civilization in Mesopotamia. İstanbul: Belge publishing house, 2015 (In Turkish)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

РЕПЕНКОВА Мария Михайловна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой тюркской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Maria M. REPENKOVA, PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Department of Turkic Philology of the Institute of Asian and African Studies of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.